

УДК 330.35:316.4 (470) «1238/1480»

Попов Г.Г.

Московский государственный областной университет

**ВЛИЯНИЕ МОНГОЛЬСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ НА
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РУСИ.
ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ**

G. Popov

Moscow State Regional University

**THE IMPACT OF MONGOLIAN CONQUEST ON RUSSIA'S SOCIAL
AND ECONOMIC DEVELOPMENT: BASIC ASPECTS**

Аннотация. В статье отстаивается мнение, что монгольское завоевание привело к тяжелым последствиям для экономики Руси, когда русские крестьяне отчисляли до половины своего дохода в пользу выплаты ордынской дани. Данное обстоятельство не позволяло долгое время сформироваться феодальным институтам в Северо-Восточной Руси. Как доказывает автор, доходы от продажи пушнины не могли компенсировать потерь крестьянской экономики в монгольский период. Выводы автора основываются на норме феодальной ренты в Новгородской республике и расчетах доходов Новгорода от торговли пушниной, а также на современных археологических данных.

Ключевые слова: история экономики средневековой России, социально-экономическое развитие докапиталистических обществ, финансы средневековой России.

Abstract. The article substantiates the view that the Mongol conquest seriously ruined Rus' economy when Russian peasants had to allocate up to half of their income to pay tributes. This circumstance hindered the formation of feudal institutes in Northeast Russia. As the author proves, incomes of furs sale couldn't compensate for the country's losses during the Mongolian period. The author's conclusions are based on the norm of a feudal rent in the Novgorod republic and calculations of Novgorod's fur trade returns, as well as on recent archaeological data.

Key words: history of economy of medieval Russia, social and economic development of pre-capitalist societies, the finance of medieval Russia.

Проблема воздействия монгольского завоевания на социально-экономическое развитие России в средние века интересует исследователей давно, однако ею занимались почти исключительно историки, что сильно ограничило применение в исследовании данного вопроса экономических подходов. До сих пор в отечественной науке нет однозначной оценки ни экономических последствий монгольского завоевания, ни даже характера самого завоевания [15].

Документы и летописные упоминания, касающиеся непосредственно экономических вопросов монгольского завоевания, являются сравнительно редкими и охватывают преимущественно конец XIV – первую половину XV вв. Одним из таких свидетельств является упомянутое у Татищева послание темника Едигея Василию I, в котором ордынский темник упрекнул московского князя в том, что тот, взимая подати с населения, якобы, для выплаты «выхода», просто присваивал себе даннические деньги. Едигей назвал и сколько платили крестьяне – 1 рубль с двух сох [10, 277], сумма, надо сказать, немалая, но она не вызывает и не вызывала сомнений у историков [7, 173]. Но проблема заключается в количестве со-

державшегося в рублей серебра и в дифференциации серебряного содержания рубля в зависимости от княжества, эта проблема имеет для нас, как мы увидим ниже, принципиальное значение.

Сама дань, как предполагает В.В. Трепавлов, составляла 4000 рублей в год [11, 64]. Правда, В.В. Трепавлов не говорит точно, были ли это именно рубли, так как в летописи указано, что Дмитрий Донской в 1383 г. выдал «8000 сребром», как считает Трепавлов, это была дань за два года, долги Москвы Мамаю Тохтамыш простил [11, 64]. Таким образом, «выход» давался с восемью тысяч сох, но это означает, что плательщиками выступали максимум 120 000 крестьян, если мы даже признаем, что на Руси существовали только большие семьи, что, разумеется, абсолютно невероятно. Едигей не мог ошибаться относительно норм налогообложения. Другой вопрос, что понималось под сохой, и какова была платежеспособность русского крестьянина монгольского периода?

Сведения грамоты 1461 г. указывают нам, что к сохе как податной единице могло быть «привязано» менее десяти человек, но все-таки незначительно отдаляясь в сторону уменьшения от этой цифры. Под единицей обложения в три лошади, которые приравнивались к сохе, несомненно, подразумевалась некая территориальная либо кровнородственная крестьянская община. Во второй половине XIX в. – время экономического расцвета русской деревни – семья среднего русского крестьянина включала двух-трех работников при одной-двух лошадях, три лошади уже были редкостью, а 4-5 лошадей насчитывалось в хозяйствах зажиточных крестьян [14, 90-95], М.Н. Покровский полагал, что средняя русская крестьянская семья в XVI в. владела одной лошастью [8, 40], что сопоставимо с нормой – одна лошадь на одну семью – у ладожских и белозерских вепсов XIX в. [1] (таким образом, «лошадиные силы» российского крестьянского хозяйства нисколько не возросли за весь постмонгольский, царский и императорский периоды отечественной истории). Едва ли испыты-

вавшая проблемы с лошадьми в киевский и монгольский периоды Северо-Западная Русь могла насчитывать много крестьянских хозяйств, обладавших более чем одной лошадью.

Таким образом, под тремя лошадьми в грамоте 1461 г. подразумевались три средние крестьянские семьи, в которых было 6-9 работников, но при этом надо учесть и безлошадные хозяйства, например, в России конца XIX в. таковыми были 29,2% от всех в стране крестьянских дворов [5, 64], в монгольский период их было однозначно больше. За безлошадность немалой части русского крестьянства говорит тот факт, что из всех остеологических материалов Твери конца XIII – начала XV вв. обнаружены только две лошади (6,62% от всех найденных останков домашних животных) [4, 240-241], хотя Тверь являлась в течение большей части монгольского периода городом аграрного типа развития, то есть ее окраины были густо заселены крестьянами. Даже если в монгольский период около трети русских крестьян были безлошадными, что вероятно для отдельных наиболее благоприятных этапов развития, то к минимальному количеству участников «односошной артели» надо прибавить еще двух безлошадных крестьян, выполнявших роль вспомогательной рабочей силы. Отсюда получается, что соха – это крестьянская артель из 8-12 мужчин. Соответственно, двухсошная окладная единица состояла из 16-24 крестьян, а 4000 «двухсошных артелей», насчитывавших каждая в среднем от 16 до 24 крестьян, выводит нас на цифру в 64 000 - 96 000 взрослых мужчин для всей Владимиро-Московской Руси; всего, получается, что на ее территории проживало приблизительно 320 - 480 тыс. человек.

Подати нередко падали на малолюдные и обезлюдившие деревни, так как налоги не носили подушного характера. Например, в результате опричнины в северных волостях Руси население сократилось на треть. В 1500 г. в некоторых новгородских деревнях было менее 1,5 чел. в среднем на двор, что стало результатом голода, войн и эпидемий [15].

Однако в благоприятные времена население Северо-Восточной Руси возвращалось по своим численности и составу к приведенным нами выше показателям. Великокняжеский «выход» в 4000-5000 рублей являлся слишком большой суммой, учитывая, что крестьянский оброк в северных волостях Руси в монгольский период, если брать пример новгородских пятин, составлял примерно одну двадцатую-тридцатую московского рубля в год (новгородские бояре не имели привычки делать поблажки крестьянам, феодальная рента в Северо-Западной Руси была почти такая же, как в Западной Европе). Тяжесть ордынской дани нетрудно определить по оброку, который платили новгородские крестьяне в XV в. Оброк в Новгородской республике платили зажиточные крестьяне и, в более редких случаях, середняки, причем эти 4,5 деньги могли быть заменены натуральной выплатой в одну пятую часть урожая [8, 31], что примерно соответствует западноевропейской ренте раннего и позднего средневековья. Получается, что новгородский богатый крестьянин был во много раз беднее московского, такого просто не могло быть. Но в таком случае, получается, – Едигей лгал, либо Татищев привел неверные сведения, но мы предполагаем другое.

Под двумя сохами понималось не в прямом смысле двухдворное крестьянское хозяйство, а объединенная в податную единицу группа хозяйств, вероятно, село либо группа деревень и починков. Деньги для выхода взимались с четырех тысяч сел (если брать данные о выплате дани Тохтамышу в 1382 г., когда к Москве еще не был присоединен Нижний Новгород), основными плательщиками в таком случае выступали, конечно же, зажиточные крестьяне, когда середняки и бедняки вынуждены были нести перед ними различные повинности. Если 4,5 деньги равны приблизительно 21 части московского рубля XV в., то, соответственно, 0,05 московского рубля = 20% урожая зерна богатого русского крестьянина, такова была стандартная феодальная рента в Новгородской республике, отсюда рубль – это стоимость

четырёх урожаев. Отдавая на «выход» целых четыре урожая, «двухсошное село» должно было выплачивать 40-50% всего своего дохода, если исходить из соотношения: по трое взрослых мужчин – в восьми дворах, в это трудно поверить, но, например, в Северо-Западной Руси существовал слой крестьян, которых называли половниками, так как они выплачивали землевладельцу половину своего урожая.

Мы считаем, что дань с Руси взималась Золотой Ордой в некоторые периоды ежегодно. Как определил Похлебкин, золотоордынские посольства появлялись на Руси в среднем каждые 4 года вплоть до XV в., когда они стали приходить каждые 8 лет. Таким образом, мы можем предположить, что до XV в. русские князья выплачивали «выход» если не ежегодно, то один раз в каждые 4 года (но общая сумма «выхода», вероятнее всего, не менялась, варьировались только сроки выплаты). Но при Иване Калите ордынские послы появлялись почти каждый год, поэтому мы не можем отрицать возможности ежегодной выплаты дани Русью Орде в течение достаточно длительных периодов. Связь ордынских посольств на Руси с выплатой дани, разумеется, носит гипотетический характер, хотя в 1404 г. главным ордынским послом на Москве был именно казначей Шадибека [8]. По всей видимости, в отличие от Новгорода, Владимиро-Московская Русь платила в отдельные эпохи ежегодную дань Орде. В таком случае даннические выплаты крестьян Восточной Руси превосходили феодальную ренту новгородских крестьян, кроме половников.

Что это означало для Русского государства в целом? У В.Л. Егорова приводятся данные, что каждый темник Золотой Орды, то есть владелец улуса, получал ежегодный доход в 600-1200 диргемов [3, 57], но это – приблизительно 2,2-4,4 килограмма серебра. Если даже великий князь владимирский выплачивал в какие-то времена в среднем 4000 рублей ежегодно дани Орде, то только один годовой великокняжеский «выход» эпохи Дмитрия Донского должен был составить приблизи-

тельно 400 кг серебра (1 рубль тогда состоял приблизительно из 100 грамм серебра). Всего в Золотой Орде насчитывалось примерно 70 темников, то есть максимальный доход всех темников должен был составлять 308 кг серебра в год, что, заметим, меньше великокняжеского «выхода». Разумеется, доходы темников даже в совокупности еще не отражают экономическую ситуацию в Золотой Орде, так как в этом государстве действовало мягкое налогообложение, что сокращало доходы бюджета от внутренних поступлений. Кроме того, мощь темника или хана зависела не столько от денег, сколько от количества находившихся в его распоряжении стад овец и табунов лошадей. Но даже с учетом всего этого тот факт, что выплата дани Владимиро-Московской Русью превосходила почти на 25% совокупный доход всех улусов Золотой Орды, говорит об очень жестких масштабах эксплуатации русского крестьянства в монгольский период.

У великих князей был еще один источник дохода — пушнина, добывалась она преимущественно в землях Новгородской республики, и московские князья иногда взимали с Новгорода дань пушниной («черный бор») как часть ордынского выхода. Однако пушной промысел далеко не мог компенсировать всех потерь от монгольского завоевания, связанных с выплатой. Дело в том, что уже к киевскому периоду особо ценные пушные зверьки были выбиты на большей части территории Руси. Значительная часть населения финно-угорского Севера уже в раннем средневековье перешла полностью к земледелию и животноводству, соответственно, возможности для товарного звероловства были далеко не у всех финно-угорских племен. Соболиная торговля Новгорода есть одна из загадок истории, мы знаем по летописям, что соболь в пределах земель, плативших дань Новгороду, добывался, но в новгородских берестяных грамотах соболь указан лишь один раз [16, 21]. Археологические раскопки показали, что в пределах зоны распространения кубенозерских и белозерских селищ соболь не добывался, охотились из крупных пушных зверьков, в ос-

новном на куницу, отсюда и название одного из видов новгородских денег – куны. Куница в монгольский период стала тоже редкостью в Северо-Восточной Европе, на это нам указывают факты остеологических находок, в пластах Твери конца XIII – начала XV вв. обнаружены останки минимум трех куниц и только двух соболей, что в сумме составляет около 3,3% от останков всех диких животных, найденных в тверских раскопах монгольского периода (кости диких животных составили в Твери монгольского периода 8,64% от общего количества останков животных) [4, 240-241].

Главным объектом охоты тверичей того времени был бобер, который имел незначительную экспортную ценность и едва ли продавался за пределы Руси. К тому же бобер во многих северных регионах Руси стал редкостью, если судить по тому, что из языка вепсов само название этого зверька исчезло, хотя в IX – X вв. бобер давал 78% всего охотничьего промысла вепсов [2]. Можно представить, что стало в Заонежье и в районе Белоозера с более ценными куницами и соболями еще в киевский период. Самое интересное, что археологи обнаружили в Твери останки только одной белки, это значит, что последние были выбиты в Верхнем Поволжье еще в киевский период, очевидно, редкость соболя и куницы и сравнительно сложная добыча этих зверьков заставили звероловов переключиться еще до монгольского завоевания на белок. Археологические исследования указывают, что охота на соболя велась в киевский и монгольский периоды в подавляющем большинстве случаев в Прикамье и Северо-Западной Сибири [6, 16]. В отличие от Сибири, где в XVII в. мы практически повсеместно встречаем «соболиный ясак», уже к киевскому периоду соболь был выбит на большей части территории Северо-Восточной Европы. Новгородцы могли добывать этого зверька только в северном Приуралье и Прикамье (только в северной его части, так как в остальных районах в основном доминировали булгары) через набеги и торговлю, так как эти территории если и относились к ним, то чисто номинально.

Если так, то сбор соболя в Новгородской республике должен был быть в двадцать раз, как минимум, ниже по своим масштабам, нежели в Сибирском ханстве, если принимать во внимание территорию охвата добычи этого зверька (в Сибири XVII в. соболь водился почти повсеместно, если верить записям ясачных книг [12]). Но это нам дает примерно 5 000 рублей дохода, так как сибирский «ясак» составлял до реформ Петра I приблизительно 100 000 рублей. Только, вопрос, был ли он ежегодным? Очевидно, нет, так как новгородцам до конца существования их республики так и не удалось организовать в Северном Приуралье постоянных пунктов для сбора дани. Мы знаем только о походах новгородцев в Югру за данью, правда, летописных сведений о таких походах у нас немного, судя по всему, они совершались раз в пятьдесят лет. Отсюда новгородцы могли выручить от торговли соболем максимум 20 000 рублей за монгольский период.

Из средневековых новгородских торговых актов мы знаем, что в конце XIV в. одна шкурка белки высшего качества стоила одну московскую деньгу, или 0,9 грамма серебра, данная пропорция сохранилась и для первой половины XV в. Основным пушным товаром, который продавал Новгород, были беличьи шкурки. По подсчетам Д. Мартин, Новгород ежегодно экспортировал примерно максимум 840 тысяч беличьих шкурок, что давало доход в 4,2 тонны серебра [17, 277], или 2800 руб. ежегодного внешнеторгового оборота этой русской республики [13, 147]. Однако 2800 руб. – это примерно соответствует торговому обороту одного крупного города Золотой Орды – Азака. Таким образом, выплаты пушниной, которые делал Новгород Московскому княжеству в счет своей доли дани Орде, не могли существенно компенсировать потери Северо-Восточной Руси от монгольского завоевания.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Винокурова И.Ю. Традиционные хозяйственные занятия вепсов. http://www.vepsia.ru/tr_culture/tc_hoz.php#zivot (дата обращения 28.09.11)
2. Голубева Л.А., Кочуркина С.И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX-X вв.). Петрозаводск, 1991. С. 255.
3. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды. М.: «Наука», 1985. С. 234.
4. Лапшин В.А. Тверь в XIII – XV вв. (по материалам раскопок 1993-1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 752.
5. Ленин В.И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века. М.: «Жизнь и знание», 1918. С. 253.
6. Макаров Н.А. Русь и Волжская Болгария на Севере \\\ Русь и Восток в IX – XVI веках: новые археологические исследования / отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль; сост. В.Ю. Коваль; Ин-т археологии РАН. М.: Наука, 2010. С. 854.
7. Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. I. С древнейших времен до Великой смуты. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. С. 753.
8. Покровский М.Н. Русская история. 3 Т. Т. 1 М.: АСТ, 2005. С. 31, 40. С. 393.
9. Похлебкин В.В. Татары и Русь. М.: «Международные отношения», 2000. С. 202.
10. Татищев В. История Российская. М.: АСТ: Ермак, 2005. С. 465.
11. Трепавлов В.В. Золотая Орда в XIV столетии. М.: Квадрига, 2010. С. 175.
12. Фирсов Н.Н. Чтения по истории Сибири. М.: Императорский археологический институт им. Николая II, 1915. С. 355.
13. Хан Н.А. Значение ренты в истории средневековой экономики восточной Европы \\\ Экономические науки, 2008. № 6, С. 60-70.
14. Чайнов А. В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М, «Экономика», 1989. С. 566.
15. Черемных О.А., Попов Г.Г. Евразийская концепция истории России средних веков. Воскресенск: ООО «Позитив», 2011. С.256.
16. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990-1996 гг.). М.Т.Х., 2000. С. 375.
17. Martin J. Treasure of the land Darkness. The fur trade its significance for medieval Russia. Camb.: Camb.un.press, 1986. PP. 270-288.